

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

Н.Н. ЦВЕТАЕВА

БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ: МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ЦЕННОСТНОЙ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

В статье представлены некоторые результаты качественного исследования материалов Биографического фонда института¹. На основе биографических нарративов представителей двух поколений анализируются различия их ценностной адаптации к социальным изменениям.

Ключевые слова: биографические нарративы, социальные изменения, ценностные ориентиры

Надо признать, что происходившие в российском обществе радикальные социальные изменения, начатые перестройкой, долгое время сопровождала неясность, какие ценностные ориентиры не на уровне лозунгов и слов, а на уровне повседневной жизни людей должны придти на смену советской модели жизненного устройства и наполнять новую нормативную модель, которая была обозначена словами «свобода», «рынок» и «демократия»². В социологических опросах эта проблема рассматривалась посредством выяснения соотношения между либеральными

¹ Биографический фонд был создан в институте в 1989 г. В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Собрание Фонда постоянно пополняется, и сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения.

² О непроясненности представлений общества о новой нормативной модели жизненного устройства говорилось во многих публикациях. Наиболее интересно, на мой

и советскими ценностями, которые респонденты должны были ранжировать по тому или иному предложенному исследователями списку ценностных концептов. Однако результаты этих опросов почти невозможно было сравнивать из-за различий не только в смысловых характеристиках этих концептов, но и в структуре экспертного знания, вносящей свои коррективы в обзор получаемой разными исследователями картины.

Наиболее очевидным показателем ценностной адаптации общества к происходящим изменениям, по всей видимости, надо признать изучение мотивации достижения, которая рассматривалась как одна из основных либеральных ценностей³. И типологии адаптивного поведения, которые строились по результатам опросов населения, в основном опирались на составляющие этой ценности — активность, рациональность и стратегический расчет человека в его адаптации к переменам. Но результаты построенных таким образом типологий говорили о том, что и через десять лет перемен, которые должны были активизировать мотивацию достижения «простого советского человека», преобладали пассивные формы адаптации⁴.

Изложенная в статье интерпретация биографических нарративов дополняет и расширяет диапазон видения того, как происходит и происходила ценностная адаптация общества к социальным изменениям, начатым перестройкой. Представляя смысловые структуры обыденного сознания «изнутри», в контексте реалий жизни людей, биографические нарративы позволяют увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и тех ценностных ориентиров, в которых этот опыт осмысливается. Тем самым они дают возможность следить за динамикой и особенностями происходящих в обществе социально-культурных изменений, раскрывая сложность и противоречивость реальной жизни и продуцируя гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития.

Статья основана на сравнительном анализе биографических нарративов представителей двух поколений — старшего поколения российского общества, формативный период жизни которого приходится на советское время, и молодого поколения, формативный период жизни

взгляд, эту проблему анализировал Б.Г. Капустин в своей статье «Конец «транзитологии»?» // Полис. 2001. №4. С. 6–26.

³ См., например: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 8.

⁴ *Левада Ю. А.* Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 5–10.

которого приходится на время реформ при переходе к рыночной экономике. Понятие «формативный период» в терминологии Манхейма — период 17–25 лет, когда формируются нормы и ценности, которые почти без изменений остаются ориентирами на всю жизнь⁵. Таким образом, нарративы этих поколений дают возможность наиболее рельефно увидеть, что происходит с ценностными ориентирами советской эпохи, и как формируются ценностные ориентиры постперестроечной эпохи⁶.

**Ориентиры старших поколений:
приоритет ценностей «высокой» культуры и духовности**

Представители старшего поколения в своих биографических нарративах демонстрируют приверженность культурной модели советского времени, которая поддерживала приоритет ценностей «высокой» культуры и духовности, противопоставляя их ценностям материальным. Когда они рассказывают о материальных трудностях нового времени, то в качестве альтернативы этим трудностям называют *«духовную сторону жизни»*, *«любовь к природе и чистому искусству»*, стараются *«забыть материальную неустроенность, посещая филармонию и читая книги»*, кланяются *«нашей культуре — театрам, музеям, концертам»*, видят *«ценность жизни не в покупке нового ТВ, а в дружной и любящей семье»*.

Разумеется, само по себе такое противопоставление *«духовной стороны жизни»* материальным ценностям довольно условно. Нельзя не согласиться, что в каждом человеке есть какая-то часть, которая играет по правилам инструментальной рациональности, и другая часть, которая закрыта и подавляется этим миром инструментальной рациональности: культурные корни, личностная идентичность, игра воображения. Однако в нарративах представителей старших поколений приоритет ценностей высшего уровня над материальными ценностями подчеркивается довольно демонстративно. Причем такую позицию занимают не только люди с высшим образованием.

Отметим и тот факт, что высказываемая представителями старшего поколения приверженность ценностям высшего уровня не связана с высоким уровнем их жизни. Таким образом, эта приверженность не

⁵ Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : РОССПЭН. 2009. С. 21.

⁶ Все анализируемые биографические нарративы хранятся в Фонде и написаны в начале 2000-х гг.

свидетельствует о сдвиге приоритета от материалистических ценностей к ценностям постматериальным, как это обнаружено в современных западных обществах⁷. В то же время эту приверженность нельзя назвать лукавством «простого советского человека», который демонстрирует одни ценности, а живет другими⁸. Скорее можно говорить о рассогласованном габитусе, несоответствии старой и новой систем восприятия и оценивания действительности⁹. Другой вопрос, что этот своеобразный идеализм представителей старшего поколения можно рассматривать как идеологический конструкт, как результат российских «волн Просвещения», просветительских тактик советского времени, а не экономических процессов¹⁰. И тогда, например, можно объяснить, почему приверженность старших поколений «высшим» ценностям спокойно уживается в их нарративах с противоречиями и незрелостью гражданского сознания¹¹.

Демонстрируемая представителями старшего поколения приверженность культурной модели советского времени объясняется также их разочарованием в произошедших переменах и является своего рода защитной реакцией, желанием сохранить смысловую целостность жизни. Объяснимо и то, что острее всего это разочарование обнаруживается в нарративах образованных людей. Для большинства из них статусные ценности, престиж образования и профессии, завоеванные в прежнюю эпоху, оказываются более значимыми, нежели прагматичный подход к реалиям настоящего времени. И они часто считают *унизительным* для себя быть прагматичными и поступаться этими ценностями ради материальных ценностей:

«В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например, у новых русских убирают квартиры, сидят с их детками. А ведь

⁷ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 8.

⁸ Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 20.

⁹ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 162.

¹⁰ Козлова Н. Волны Российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 55.

¹¹ Цветаева Н. Н. Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи // Петербургская социология сегодня : Сб. науч. тр. Социологического института РАН. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 131–144.

эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унижительно для меня. (Ж., бывший ведущий инженер Кировского завода, 59 лет).

В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценностей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расходиться, и инженер, например, мог зарабатывать меньше рабочего. Кроме того, в этой позиции отражена особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета частнопредпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса.

Но даже те из представителей старшего поколения, кто не проявлял особой щепетильности в попытках адаптироваться к новому ценностному порядку жизни, часто сталкивался с проблемой тщетности собственных усилий. И в целом их нарративы свидетельствуют, что возможности социально продуктивного поведения, которые обнаружились в меняющемся российском обществе, оказались суженными и поставили перед многими из них вопрос о «цене» достижения: *«Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах — нет. Т. е. вкалывая как лошадь или не вкалывая, а в другой социальный слой не перейдешь»* (Ж., кандидат наук, 60 лет).

Однако наиболее серьезным ограничением для ценностной адаптации представителей старшего поколения к новому порядку жизни оказывается необходимость нарушать привычные нормы и моральные запреты. В своих нарративах они говорят о том, что потенциал их активности сдерживается доминированием неформальных «правил игры» над формальными. В результате даже те из них, кто имеет востребованные профессии, но не желает нарушать моральные нормы и запреты, приходят к следующему выводу: *«В общем, не вписываемся мы в рыночные отношения, если первым делом — “баксы”, а все остальное — в том числе и реальное дело — потом»* (М., инженер-изобретатель, 62 года).

При этом людей этого поколения часто трудно обвинить в пассивности. Описываемые ими в нарративах попытки приспособиться к новому порядку жизни располагаются в диапазоне от прямого сопротивления и морального осуждения произошедших перемен до попыток активно вписаться в него, используя не только смену работы и места жительства, но и такую новую практику, как покупка акций. В нарративах описывают и случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и оставляют его в смятении: *«Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему это «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...»* (Ж., 62 года).

Ориентиры молодых: прагматизм и здравый смысл

Как свидетельствуют нарративы представителей молодого поколения, они легче, чем старшие, *«вписываются» в рыночные отношения*. Можно даже утверждать, что их нарративы упорядочивает новая логика, в которой на смену утверждаемым советской идеологией ценностям высокой культуры и духовности приходит жизнь «без идеологии» — жизнь, больше ориентированная на прагматизм и здравый смысл, нежели на объединяющую силу идеологических конструктов. Об этом свидетельствует общий фон их отношения к переменам, который характеризуется тем, что жизнь для них стала более откровенной, менее прогнозируемой или, если использовать часто употребляемое ими выражение, *«нескучной»*: *«Во время социализма было скучнее, спокойнее — была уверенность в будущем, люди спокойно ждали пенсии и не боялись умереть от голода — но все же скучнее»* (Ж., 26 лет).

Кроме того, в своих нарративах молодые люди открыто, иногда даже цинично говорят о материальных интересах, что было совершенно немыслимо для поколения их родителей, живших в советское время. Можно ли, например, представить, чтобы советская девушка в возрасте двадцати с небольшим лет говорила о том, что *«нашла себе через газету немолодого друга с достатком»* и тем самым *«решила материальные проблемы»*, или же о том, что *«стыдно быть бедным»*.

В этих откровенных высказываниях молодых читается не только разрушение ценностного порядка советского времени, но и довольно упрощенные представления о новом. Объяснить эти упрощенные представления вряд ли можно только тем, что молодежь во все времена является носителем упрощающих тенденций в силу отсутствия у нее исторической памяти¹². Скорее это упрощение — результат жестких реалий жизни российского общества, того самого доминирования неформальных правил игры над формальными, о котором говорится и в нарративах старших поколений. Новый ценностный порядок воспринимается молодыми как необходимость *«жить в отсеке сегодняшнего дня»*, т. е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не затрудняясь моральными оценками: *«Эпоха перемен мне видится, прежде всего, в том, что нарушен привычный сценарий жизни людей. Раньше было примерно так: ясли—сад—школа—институт—брак—накопления—дети. В общем, планировать можно было на срок от 5 до 25 лет вперед. А сейчас, в период катаклизмов, нам рекомендуют “жить в отсеке сегодняшнего дня”. А люди-то полуграмотные. Они все понимают буквально: надо пропить деньги сегодня, а то завтра их не будет. Чтобы не работать, нужно найти богатого спонсора. Или забеременеть от кого попало и шантажнуть»* (Ж., 25 лет).

К необходимости *«жить в отсеке сегодняшнего дня»*, которая определяет прагматичный настрой молодых, можно добавить и такие хорошо известные факты, как падение престижа интеллигенции, коммерциализацию института образования и усилившуюся и «помолодевшую» социальную дифференциацию в возможностях его получения. Прагматичными молодых людей делают и фактически легализованная возможность (скорее необходимость) сочетать учебу на дневном отделении с работой (так называемая вторичная занятость студентов), и инфляционные процессы в сфере высшего образования, а также девальвация ряда дипломов на рынке труда и неустойчивость профессиональной карьеры дипломированных специалистов. Все эти свидетельства перехода общества к прагматизму рыночных отношений делают адаптивные практики молодых приземленными и конкретными: *«Я реально оцениваю свои силы — без денег и связей поступить на “модный” факультет в государственном вузе мне, как я тогда полагала, не светило...»* (Ж. 26 лет).

¹² Козлова Н.Н. Упрощение — знак эпохи? // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 11–21.

Когда же молодые люди не проявляют достаточной гибкости в понимании ориентиров сегодняшнего дня и возлагают надежды на родительские модели поведения (например, на получение высшего образования как единственный способ обретения высокого социального статуса), в их нарративах можно прочесть разочарование, следы так называемой «революции фрустрированности»¹³: *«Чтобы не сойти с ума от такой бредовой жизни, возникла не менее бредовая идея получить юридическое образование в дополнение к высшему техническому. В результате — нет никакого результата. Коммерческие институты переобучили все население на юристов. Куча дипломов и никакой специальности. По самой высшей протекции удалось устроиться оператором в котельную...»* (М., 29 лет).

Несмотря на то, что крен в сторону прагматичного отношения к жизни в нарративах молодых вполне очевиден¹⁴, одни из них выглядят больше «идеалистами», другие — больше «прагматиками». Идеалистами, как правило, предстают молодые люди из образованных семей, в той или иной степени ориентированные на культурную модель своих дисциплинированных советской эпохой родителей: *«Почему у меня получается только про жизнь, ведь в ту пору уже вовсю шли перемены. Люди не только становились нищими, но и наживали капиталы. А я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу “не в деньгах счастье” и даже про рай в шалаше... Но сейчас мне кажется, что в этом была моя ошибка — думать только о чувствах, и что теперь, в 27 лет, карьеру сделать очень сложно, сложно даже найти работу по специальности (кому нужен экономист без опыта работы?)...»* (Ж., 27 лет).

Эту позицию подтверждают и результаты исследования идентичности гуманитарной интеллигенции, которые говорят о том, что в рефлексивном проекте российского интеллигента среди традиционного набора качеств образованности, совестливости, духовности почти начисто

¹³ Согомонов А.Ю. Феномен «революции притязаний» в культурно-историческом контексте // Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 114.

¹⁴ Надо заметить, что прагматичное отношение к жизни, которое читается в нарративах представителей молодого поколения, находится в русле описываемого многим социальными исследователями процесса индивидуализации. Зигмунт Бауман, например, полагает, что в современном «индивидуализированном» обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, что *это не его выбор, а судьба*, структурное принуждение. См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 66.

отсутствуют составляющие успешной жизни: динамизм, признание, достижение, удачливость, карьера¹⁵.

В свою очередь молодым людям из семей с низким социально-профессиональным статусом, как свидетельствуют их нарративы, не нужно учиться прагматичному отношению к жизни, и они демонстрируют «глубокий реализм адаптивного габитуса», который присущ людям из нижних страт общества¹⁶: *«Учиться я не видела необходимости, так как специалисты-педагоги уже не требовались, а экономистом я быть не могла — с математикой не дружу. Двоечницы наши сейчас бухгалтера, а хорошисты в глубинке растят детей, будучи безработными. Оценки в школе ни в коем случае не отражают уровень знаний о жизни, с высшим образованием сразу после института берут только на очень невысокий заработок как специалиста без стажа, а на что человек будет жить, никого из работодателей не волнует. Отсюда вывод: сначала научиться что-нибудь делать руками, а уже потом совершенствовать голову»* (Ж., 27 лет).

Однако реалистичное отношение к жизни молодых людей из низших слоев общества, вынужденных приспособляться к обстоятельствам, «выбирая необходимость»¹⁷, не означает, что утрата иллюзий равенства, оставшихся от советской эпохи, дается им легко: *«Мамы, папы занимались формированием мировоззрения своих деток, а я плыла по какому-то вольному сценарию. Когда пришло ко мне прозрение, что я пишу свою жизнь почти без участия родителей, мне стало себя жаль из зависти: кому-то оплатили престижный вуз, кому-то нашли завидного жениха, кто-то очень умный и сам всего добился. А я, как же я? А я проявила себя способной швеей...»* (Ж., 26 лет).

Заключение

Обнаруженные в биографических нарративах представителей этих двух поколений особенности ценностной адаптации к происходящим в российском обществе социальным изменениям подтверждают ряд положений современной социальной теории.

¹⁵ Левичева В.Ф. Гуманитарная интеллигенция: основания корпоративной идентичности // Социс. 2001. №2. С. 57.

¹⁶ Бурдые П. Социальное пространство и генезис “классов” // П. Бурдые. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66.

¹⁷ Пекка Руус. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. № 1/2. 1993. С. 141.

Нарративы свидетельствуют, что социальные изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни (в том числе и называемых по результатам опросов населения «пассивными») становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются¹⁸.

Нарративы проясняют и еще одно положение современной социальной теории. Для объяснения мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей современного общества, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя нерационально. «Агенты в некотором роде скорее *натываются* на собственную практику, чем выбирают ее свободно или подталкиваются к ней путем механического принуждения»¹⁹. Это значит, что мотивацию достижения (как и другие ценности) необходимо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом²⁰.

И, наконец, нарративы говорят о том, что адаптивные практики и мотивирующие их ценности нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них — нелегальными, но в результате происходящих в обществе изменений превратились в массовые и легальные. И если иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимым для характеристики взаимосвязи практик и мотивирующих их ценностей, позволяя прочесть не только историю их появления, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи — и тем самым увидеть, как в переломные эпохи жизни общества происходит «переоценка ценностей» и, соответственно, как меняется логика повседневной жизни и культуры общества в целом.

¹⁸ Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Н.Н. Козловой. См., например: *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85.

¹⁹ *Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 161.

²⁰ *Радеев В.В.* Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1. С. 183–200.